

ШАИ
ВСЕГДА
В
ЧЕТЫРЕ

элейн
конигсбург

ВОТ ЭТО
КНИГА!

11^{от}
14^{до}

Э. Л. Конигсбург
Чай всегда в четыре
Серия «Вот это книга!»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66623144
Чай всегда в четыре: Розовый жираф; Москва; 2021
ISBN 978-5-4370-0320-6

Аннотация

Учительница Эва-Мари Олински знает: хорошая команда – это не просто четыре отдельно взятых умника; чтобы победить в интеллектуальном турнире, они должны стать единым целым. Ноа, фанатик фактов. Итан, гений молчания. Надя, впервые в жизни увидевшая осень. Загадочный Джулиан. Как вышло, что они, такие разные, понимают друг друга без слов? И, кстати, кто кого выбрал, Эва-Мари этих четверых – или они её?

В 1997 году Э. Л. Конигсбург получила за эту книгу вторую (!) Медаль Джона Ньюбери – премию за выдающийся вклад в литературу для детей. Первый раз эта награда была вручена ей в 1968 году за книгу «Из архива миссис Базиль Э. Франквайлер, самого запутанного в мире».

Содержание

1	5
2	31
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Элейн Конигсбург

Чай всегда в четыре

E. L. Konigsburg

THE VIEW FROM SATURDAY

Спасибо доктору Роберту Столлу, обогатившему меня знаниями о жизни и судьбах морских черепах Флориды.

Э. Л. К.

© Е. Канищева, перевод на русский язык, 2021

© ООО «Издательство «Розовый жираф», издание на русском языке, 2021

© 1996 by E. L. Konigsburg

* * *

Дэвиду, сделавшему невозможное

1

Миссис Эва-Мари Олински всегда давала убедительные ответы. Всякий раз, когда её спрашивали, по какому принципу она подбирала команду для Академического кубка, Эва-Мари давала какой-нибудь из заранее заготовленных убедительных ответов. Чаще всего она говорила, что у каждого из четверых есть знания и навыки, уравновешивающие друг друга. И это было резонно. Иногда она говорила: я точно знала, что эта команда будет усердно тренироваться. И это было верно. Правда, районному инспектору школ она дала неудачный ответ – но только один раз, только ему, и к тому же у неё были на то веские основания.

Но вот факт: миссис Олински сама не знала, по какому принципу она подбирала команду; и ещё один факт: она не знала, что она этого не знает, пока она это не узнала. Конечно, так можно сказать о чём угодно: мы ничего не знаем, пока мы это не узнали – до самого последнего момента включительно. В случае миссис Олински это означало – до момента, когда закончился День Кубка и четверо её шестиклассников наконец выдохнули.

Они называли себя Душами. Они рассказали миссис Олински, что стали Душами задолго до того, как стали командой, а она на это ответила, что, став Душами, они тем самым сразу стали командой. Потом, через некоторое время,

учительница и её команда заметили, что это похоже на спор о том, что было раньше, курица или яйцо. Но с чего бы всё ни началось – с курицы или яйца, с команды или с Душ, – закончилось это определённо яйцом. Однозначно яйцом.

Народ до сих пор удивляется. Все говорят, что выход в финал четвёрки шестиклассников – это нечто невероятное. В некоторых командах изредка попадались семиклассники, но большинство участников чемпионата штата были из восьмых классов. Эпифания никогда прежде не побеждала даже на районном уровне – однако вот они, на сцене, готовые побороться за кубок штата. Команда Максвелла – вторые финалисты – состояла исключительно из восьмиклассников. Оба мальчика из Максвелла говорили басом, а у обеих девочек из-под футболок виднелись кружевные бретельки лифчиков. Тот факт, что обе футболки были с глубоким вырезом, а обе пары бретелек – одинакового абрикосового цвета, навёл миссис Олински на мысль, что это не столько мода, сколько послание. Её шестиклассникам. Которые могли без ошибок написать слово «пубертат» и дать ему правильное определение, но пока ещё не испытали на себе, что это такое.

В интеллектуальных турнирах, в отличие от футбольных, нет подсчёта очков в течение сезона. Никаких тебе серий до трёх побед. Каждый раунд – игра на выбывание. Есть победитель и есть проигравший. Это правило действовало с са-

мого первого, внутришкольного уровня: продул – вылетел.

* * *

И точно так же – в День Кубка.

С утра команд-участниц было восемь. В финал вышли две: Эпифания и Максвелл.

Когда дошло до последнего раунда, было уже далеко за полдень, и у миссис Олински зуб на зуб не попадал от холода в этом зале без единого окна, в здании настолько огромном и казённом, что у него имелся даже собственный почтовый индекс. Дело было в Олбани, столице штата Нью-Йорк. Стояла последняя суббота мая, и какой-то робот – или человек с мозгами робота – вместо прогноза погоды изучил календарь и врубил на всю катушку кондиционер. На миссис Олински, как и на всех остальных в зале, была футболка с короткими рукавами и с логотипом команды на груди. У Максвелла футболки были тёмно-синие, у Эпифании кричаще-красные – и это был единственный выкрик в огромном холодном зале. Потому что всех присутствующих заранее попросили не шуметь, не свистеть, не топать, не издавать подбадривающих возгласов, не поднимать плакаты, не размахивать флагами и даже не аплодировать. Академический кубок – это не кто кого перекричит, напомнили им, это битва интеллектов.

Эпифания сидела по одну сторону длинного стола, Макс-

велл по другую. Во главе стола стоял за кафедрой главный уполномоченный по вопросам образования штата Нью-Йорк. Он благожелательно улыбнулся залу, сунул руку во внутренний нагрудный карман и извлёк оттуда пару очков для чтения. Лёгким поворотом запястья он раскрыл их и водрузил на нос.

Миссис Олински обхватила себя за плечи и подумала: может, эта дрожь у неё от волнения, а не от холодного воздуха с потолка? С учащённым (что было хорошо заметно по пару изо рта) дыханием она неотрывно следила, как уполномоченный погружает руку в большую стеклянную чашу. Его перстень с университетским логотипом звякнул по дну. (Будь в зале ещё на пару градусов ниже, стекло бы точно раскололось.) Он извлёк сложенный в несколько раз листок бумаги, развернул и прочёл вслух: «Что означает слово “каллиграфия” и из какого языка оно происходит?»

Раздалось «дзинь».

Миссис Олински точно знала, кто нажал на кнопку. Она откинулась назад и расслабилась. Никакого волнения. Радостное предчувствие – да. Волнение – нет.

Отблески телекамер плясали в стёклах очков Ноа Гершма. Он был выбран в команду первым.

Ноа пишет бутербродное письмо

Мама потребовала, чтобы я написал бутербродное письмо

бабушке и дедушке. Я ответил, что не могу написать бутербродное письмо, а она спросила, почему это, и я сказал: потому что я не знаю, что такое бутербродное письмо. Тогда она объяснила, не очень-то терпеливо, что бутербродное письмо – это письмо, которое пишут людям, чтобы выразить благодарность за гостеприимство, типа «спасибо за хлеб с маслом». Тогда я сказал, что меня учили никогда не использовать в определении определяемое слово, так что «бутербродное письмо – это письмо» – неправильно, и пусть мама подыщет какой-нибудь синоним к слову «письмо». Тогда мама заметила, что если представители моего поколения прекрасно умеют придираться к словам, но не умеют написать элементарное бутербродное письмо, то это красноречиво свидетельствует об упадке западной цивилизации.

Тогда я сообщил, что при всём уважении не считаю себя обязанным благодарить бабушку и дедушку за гостеприимство. И обосновал своё утверждение с помощью фактов. Факт первый: я не гость, а член семьи; факт второй: они меня даже не приглашали, поскольку – факт третий – мама сама меня к ним отправила, когда её наградили круизом за то, что она продала в Эпифании (это наш город) столько домов, сколько их не продал никакой другой риелтор в мире, а если бы она взяла с собой в круиз нас с Джо, а не своего мужа, моего отца, то меня не пришлось бы отправлять во Флориду, и поэтому – тоже факт – это она должна благодарить бабушку и дедушку, а не я; и, кстати, ещё один факт: пока я был

у них, я им здорово помог, так что это они должны писать мне бутербродное письмо, а не я им.

Моего брата Джо отправляли к другим бабушке и дедушке, которые живут в нормальном пригороде в штате Коннектикут.

– И что, Джо тоже пишет бутербродное письмо бабушке и дедушке Эберли?

– Прямо сейчас, в эту минуту, – ответила мама.

– Ну, может быть, ему есть за что их благодарить, – сказал я.

Мама набрала в грудь побольше воздуха, словно собираясь что-то ещё сказать о том, что делают с бедной западной цивилизацией представители моего поколения, но вместо этого сказала: «Пиши», – и вышла из комнаты, закрыв за собой дверь. Я открыл дверь и крикнул вдогонку:

– А на компьютере я могу его писать?

– Можешь, – ответила мама. – Но не будешь.

Я хотел было спросить, кто из нас теперь придирается к словам, но мама посмотрела на меня таким взглядом, что я сразу понял: лучше мне сосредоточиться на бутербродном письме, а не на придирании к словам.

Я посмотрел на закрытую дверь. Потом на окно. Дверь. Окно. Дверь. Окно. Выхода нет.

Я достал из ящика письменного стола блокнотик с отрывными листками. По размеру листки были, конечно, больше почтовой марки, но ненамного. Потом я взял шариковую

ручку и начал расписывать её на ненужной бумажке. Ручка оставляла царапины и ничего больше. Шариковые ручки иногда приходится долго расписывать. Тогда, во Флориде, Тилли Нахман сказала: «Шариковая ручка – главная причина упадка западной цивилизации. Она сделала процесс письма быстрым, дешёвым и абсолютно безликим». Вот бы маме подружиться с Тилли. Они обсудили бы между собой две главные причины упадка западной цивилизации.

Не ради спасения западной цивилизации, а ради бутербродного письма я бросил шариковую ручку обратно в ящик и достал оттуда ручку для каллиграфии, чернильную. Заправлять её чернилами я не стал. Заправлю, когда буду готов писать. Ещё я достал остро заточенный карандаш и пачку крошечных самоклеящихся листочков, чтобы составить список идей: за что я могу быть благодарен.

Я записал: *красная тележка*. Красная тележка безусловно стоила благодарности, потому что была подарком – хотя по воле обстоятельств я не привёз её с собой домой, в Эпифанию. Потом я подумал ещё и написал ниже: *футболка-смокинг*. Она тоже была мне подарена, и её я тоже с собой не привёз. Потом я записал: *ручка для каллиграфии и чернила*. Всё это мне тоже подарили, но ручка и чернила, которые я достал из ящика стола, были не те, а другие – их я купил сам. Ручка для каллиграфии напомнила мне о другой пачке самоклеящихся листочков, которую я купил, чтобы загладить оплошность, возникшую из-за чернил. И хотя

те листочки я не получил в подарок, а тоже купил сам, я всё же добавил в свой список *самоклеящиеся листочки*. Потом оторвал листочек со списком и приклеил к стенке над столом. А потом, как велела мама, стал думать хорошенько.

Городок Сенчури-Виллидж, где живут мои бабушка и дедушка Гершом, не похож ни на одно из мест, где я бывал. Он во Флориде, но это не какой-нибудь «Мир Диснея», или «Подводный мир», или ещё что-то в таком духе, ради чего обычно ездят во Флориду. Это скорее нечто вроде парка развлечений для стариков. Почти все жители Сенчури-Виллидж – пенсионеры, удалившиеся на покой. Мои бабушка Зейди и дедушка Нейт идеально вписываются в эту компанию.

Всё началось, когда Маргарет Дрейпер и Иззи Даймондстейн решили пожениться и горожане Сенчури-Виллидж собрались в клубе, чтобы продумать свадебную церемонию.

В прошлой жизни бабушка Зейди и дедушка Нейт держали маленькую пекарню тут у нас, в Эпифании, штат Нью-Йорк, поэтому бабушка вызвалась печь свадебный торт, а дедушка, который обожает играть на скрипке, взял на себя музыкальную часть. И немедленно приступил к репетициям.

Репетировал дедушка много. Бабушка говорила: «Натан, ну как ты можешь всё время пикивать одну и ту же мелодию?» А дедушка Нейт отвечал: «Почему ты не спрашива-

ешь, как я могу всё время спать с одной и той же женщиной?» И бабушка, несмотря на возраст, покраснела и говорила: *Ша!* А *шанда фар ди киндер*, – эти слова я много раз слышал и раньше, до того как бабушка с дедушкой переехали в Сенчури-Виллидж. В переводе с языка идиш это означает: «Тш-ш, постыдись говорить такое при ребёнке!» Но на самом деле это означает, что дедушка смущает бабушку. Вгоняет её в краску.

У мистера Кантора, бывшего почтальона из Пенсильвании, хобби – выращивать орхидеи, и он сказал, что цветов у него хватит и для невесты с женихом, и для подружки невесты, и для шафера. А миссис Керчмер пообещала предоставить свои африканские фиалки для украшения свадебного стола.

Тилли Нахман вызвалась изготовить приглашения, а Рабби Фридман, который и в прошлой жизни был рабби, то есть раввином, согласился провести свадебную церемонию, хотя Маргарет Дрейпер и не еврейка, в отличие от Иззи Даймондстейна. У обоих это был поздний и второй брак, и жениху с невестой незачем было заботиться о том, какую религию выбрать для будущих детей, поскольку их дети давно выросли и сами всё себе выбрали. Потом дедушка Нейт объяснил мне, что к раввинам, в отличие от всех остальных жителей Сенчури-Виллидж, понятие прошлой жизни неприменимо – они всегда остаются раввинами, бывших раввинов не бывает.

Среди жительниц Сенчури-Виллидж немало вдов, кото-

рые когда-то прекрасно готовили для своих семей, и они организовали комитет по планированию свадебного ужина. Они составили меню и список основных закупок, а все расходы горожане стоворились разделить поровну.

И вот после этого первого собрания в клубе мы с дедушкой Нейтом повезли Тилли Нахман – она раньше жила в городе Нью-Йорке, поэтому так и не научилась водить машину – в магазин канцтоваров за пригласительными открытками. Пока она их выбирала, мы с дедушкой отправились в большой супермаркет «Уолмарт» с бабушкиным рецептом, чтобы забрать лекарство, и там-то я увидел эту классную красную тележку. Дедушка мне её купил – и правильно сделал. От неё была куча пользы, пока на сцену не вышел Аллен.

Я перечитал свой список. *Самоклеящиеся листочки*. Их я купил, когда у нас кончились приглашения. А приглашения у нас с Тилли Нахман кончились, когда её кот окунул лапы в чернила.

Наблюдая, как Тилли заполняет в приглашениях все эти *кто-что-когда-где*, я понял, что в жизни не видел такого красивого почерка.

– Каллиграфия, – сказала она. – Это означает «красивое письмо».

И спросила, хочу ли я научиться так писать. Я ответил, что да. Она сказала, что будет давать мне уроки, если я по-

могу ей подписывать конверты. И тогда дедушка свозил нас в художественную лавку и Тилли купила мне ручку для каллиграфии и пузырёк чернил. И вот, пробуя разные пёрышки для этой ручки, Тилли и произнесла эту свою фразу про то, что шариковая ручка – главная причина упадка западной цивилизации.

Выбрав наконец пёрышко, Тилли сказала:

– Надеюсь, Ноа, что в будущем ты будешь пользоваться шариковой ручкой только с одной целью: чтобы надавить по-сильнее, когда пишешь через несколько листов копирки.

Этого я пообещать никак не мог. В школе человеку иногда приходится действовать быстро, дёшево и безлико.

Тилли сказала:

– Ещё бывают ручки, в которые сразу вставляется картридж с чернилами, но с такими я дела иметь не желаю.

И, когда мы вернулись к ней домой, она научила меня заправлять ручку или, как она выразилась, «*правильно* заправлять ручку».

Шаг первый: открутить поршень против часовой стрелки до конца. Шаг второй: полностью погрузить перо в чернила. Шаг третий: закручивать поршень по часовой стрелке до упора. Шаг четвёртый: держа перо над пузырьком с чернилами, снова откручивать поршень против часовой стрелки до тех пор, пока три капли чернил не упадут обратно в пузырёк. Шаг пятый: закрутить поршень по часовой до упора, чтобы больше не капало. Шаг шестой: насухо вытереть остатки чер-

нил с ручки и пера.

Я сказал Тилли, что шесть шагов ещё даже до того, как начнёшь писать, – это, по-моему, многовато. На что она ответила:

– А ты думай, что эти шесть шагов – не подготовка к началу работы, а само начало работы.

И я стал практиковаться. Я учился каллиграфически писать все буквы алфавита, включая X, хотя она не встречалась ни в *кто-что-когда-где*, ни в адресах, но зато на ней хорошо тренироваться, потому что – факт – это трудная буква.

Когда Тилли решила, что я уже готов помогать ей с приглашениями, я уселся на пол в её гостиной. Письменным столом мне служил её кофейный столик. А сама она устроилась за обеденным столом в кухне. Факт: во многих домохозяйствах Сенчури-Виллидж нет больших комнат, где могла бы собираться семья и стоял бы письменный стол.

Писанины было много, потому что в конце каждого приглашения – каждого! – мы делали приписку: «Только, пожалуйста, без подарков!» Тилли сказала, что в Сенчури-Виллидж так принято. «К тому же, – добавила она, – устроить свадьбу – это уже само по себе подарок, я так думаю».

Я прекрасно справлялся со своей работой до тех пор, пока Томас Стернз, или, сокращённо, Т. С., кот Тилли, не запрыгнул ко мне на колени, и тогда я подскочил и разлил чернила, а кот прошествовал по разлитым чернилам, а потом по приглашениям, для которых я надписывал адреса. И на несколь-

ких приглашениях – на пяти, если быть точным, – появились следы кошачьих лап.

Тилли ужасно расстроилась, потому что запасных приглашений она не купила, а не купила она их, потому что сказала: «Это не нужно. Я никогда не ошибаюсь». В прошлой жизни Тилли была бухгалтером. Я слышал, как она говорила: «Я могу суммировать колонку цифр не хуже этих». Я не знал, кого она имела в виду под «этими» – бухгалтеров или компьютеры, но спрашивать не стал, потому что, кажется, всё-таки догадался.

Я сказал Тилли, чтобы она не беспокоилась: я что-нибудь придумаю. И придумал. Вот тогда-то я и купил самоклеящиеся листочки. На каждое приглашение со следами кошачьих лап я прилепил по такому листочку. И на каждом листочке написал (идеальным каллиграфическим почерком): «Приглашение с особыми отметками! Приносите его с собой на свадьбу, вас будет ждать сюрприз». Когда Тилли спросила, что за сюрприз, я снова сказал, чтобы она не беспокоилась, я что-нибудь придумаю. И придумал. Но – факт: это было непросто.

В день закупки продуктов для свадьбы жители Сенчури-Виллидж устроили что-то вроде системы совместных закупок, но на собственный лад. Они снова собрались в клубе. Все сидели рядами и держали в руках скидочные купоны, вырезанные из газет за все столетия, минувшие с начала

книгопечатания. Меня попросили быть ведущим этой церемонии.

Я сидел за столом на сцене и объявлял пункты из списка. Это сильно смахивало на игру «Идём на рыбалку». Я говорил: «Нужно: один разрыхлитель для теста, четыре пачки маргарина, *пáрве* (это то, что и не мясное, и не молочное) и бумажные полотенца – как можно больше». И все рассматривали свои купоны, которые держали в руках веером, словно игральные карты, и давали мне то, что я просил. А Тилли обводила кружочком соответствующие пункты списка.

Потом мы смотрели в газете, на что есть скидки в разных супермаркетах, и составляли списки покупок в каждом из них, смотря где что было дешевле. Список для семьи Гершом я написал каллиграфически. Это не слишком замедлило процесс, тем более что жители Сенчури-Виллидж привыкли ждать.

Позднее в тот же день все вернулись в клуб с продуктами и чеками из магазинов. Тилли складывала, делила и разбиралась, сколько кто должен и сколько кому должны, и ни одному человеку даже в голову не пришло перепроверять, потому что все знают: Тилли Нахман никогда не ошибается. Потом мы стали сравнивать список купленных продуктов с другими двумя списками: меню и кто что готовит. И я помог развезти продукты по домам с помощью новой красной тележки.

Факт: я всё сделал отлично.

В день свадьбы я был нарасхват: нужно было всё время что-то возить на тележке в клуб. С одними только африканскими фиалками пришлось сделать три ходки, а с грудинкой две. Потом мы с мистером Кантором доставили букетики из орхидей для невесты и её подружки. В реальном мире я ни разу не встречал человека, который бы столько времени проводил в обществе цветов, сколько мистер Кантор. Подружкой миссис Дрейпер, то есть невесты, должна была быть её дочь, миссис Поттер. Миссис Дрейпер раньше жила в моём родном городе – в Эпифании, штат Нью-Йорк, – а её дочь, миссис Поттер, и сейчас тут живёт. Миссис Поттер купила новое платье и прилетела на свадьбу самолётом – но не вместе со мной. Я прилетел на несколько недель раньше; это был мой первый полёт в качестве «несопровождаемого несовершеннолетнего».

Мы с мистером Кантором доставили жениху и его шаферу цветы для бутоньерок. Шафером должен был быть Аллен, сын Иззи Даймондстейна. Они оба живут во Флориде, Иззи и Аллен, и фамилия у них одна и та же.

Однако Аллен Даймондстейн живёт в реальном мире, потому что, хотя он и сын Иззи и совсем уже взрослый, он всё-таки чересчур молод для того, чтобы жить в Сенчури-Виллидж. Теперь факт: за всю свою жизнь я не встречал такого нервного человека, как этот Аллен Даймондстейн. И ещё факт: его бросила жена. Она переехала в Эпифанию и рабо-

тает теперь у моего отца, лучшего дантиста в городе (тоже факт).

Аллен Даймондстейн без конца повторял: «Ну разве не парадокс: я развожусь, а мой папа женится». Как по мне, не самое удачное начало светской беседы. После такого зачина никто не знает, что говорить дальше. Одни прокашливаются и молчат. Другие прокашливаются и меняют тему.

При мне он говорил это раз десять, и я тоже не знал, что ответить. Поначалу я думал, всё дело в том, что я не знаю значения слова «парадокс». И я посмотрел его в словаре.

Самым подходящим определением (и, заметим, определяемое слово в нём не встречается!) оказалось «контраст между ожиданием и реальностью». Но, узнав значение слова «парадокс», я всё равно не понял, что такого парадоксально в том, что Аллен Даймондстейн разводится, а Иззи Даймондстейн женится. Судя по тому, как ведёт себя Аллен Даймондстейн, развод – это именно то, чего следует ожидать, если уж кого угораздило выйти за него замуж. А судя по тому, как ведёт себя Иззи, как он въётся вокруг Маргарет, их свадьба – это не просто то, чего следует ожидать, но и то, чего не может не произойти. *Ша! А шанда фар ди киндер.* Я даже смущался, поглядывая на них, – но всё же не настолько сильно, чтобы не поглядывать.

Свадебные торты не столько пекут, сколько строят. В реальном мире люди не строят свадебных тортов. Люди их за-

казывают. Если же строить торт своими руками, то это за один день не делается. Это делается за три. В первый день бабушка Зейди испекла коржи. На второй день она возвела торт, используя картонки и соломинки в качестве подпорок, и приготовила сахарную глазурь для обмазывания всех его этажей. На третий день она сделала особую, дизайнерскую глазурь для розочек, а на самый верх посадила крошечных жениха с невестой. Факт: торт получился очень красивый.

К счастью, сразу после того, как бабушка Зейди достроила торт, дедушка Нейт его сфотографировал, так что теперь бабушка в любой момент может освежить в памяти, как он выглядел – пусть и недолго.

Аллен Даймондстейн сказал бы вам, что всё случилось из-за красной тележки, но я бы сказал, что если бы он так сказал, то это был бы типичный парадокс. Потому что дело было совсем не в тележке. Дело было в нём, в Аллене. Потому что ну а как ещё нам было доставить торт в клуб? В багажник машины его не поставишь – он слишком высокий, а поскольку средняя дневная температура в Сенчури-Виллидж равна температуре тела, то, если нести торт в руках, он бы полностью растаял, даже не доехав до места свадебной церемонии. И тогда мне пришла в голову идея: нагрузить тележку льдом, накрыть полиэтиленом, на полиэтилен поставить торт и медленно, осторожно покатить тележку в клуб – я тяну за собой, дедушка придерживает сзади.

Дедушка Нейт сгонял в магазинчик «Мигом» и купил три

пакета льда, и мы погрузили их в тележку. Оказалось, что это слишком много, а мы не хотели заполнять тележку льдом до самого верха, поэтому высыпали лишнее во внутреннем дворике прямо на бетон. Мы решили нагружать тележку там же, во дворике, чтобы катить её в клуб без всяких ступенек.

Как только мы поставили торт на тележку, заявился Аллен Даймондстейн. Потом он говорил, что отец отправил его за *сидуром* – это такой молитвенник, – но, по-моему, его отец просто хотел усладить сына с глаз долой, потому что тот его нервировал, а жениху совершенно необязательно нервничать перед свадьбой.

Когда Аллен позвонил в дверь, никто ему не открыл, потому что мы все были во внутреннем дворике, грузили торт на красную тележку, и звонка никто не услышал. Так что Аллен пошёл в обход, к нам во дворик. К несчастью, он не заметил торчащую рукоятку тележки, споткнулся об неё, поскользнулся на мокром бетоне, упал в лужу растаявшего льда и, опять же к несчастью, в падении перевернул торт.

Верхний ярус торта снесло напрочь, он упал в ту же лужу, что и Аллен, а крошечные жених и невеста серьёзно пострадали.

Как и лодыжка Аллена. Этот факт мне открылся, когда Аллен схватил себя за ступню и стал громко стонать, по-прежнему сидя в луже. Дедушка Нейт позвонил по номеру 911. Бабушка Зейди побежала в кухню взбивать ремонтно-восстановительную порцию сахарной глазури. Дедушка

Нейт повёз пострадавший торт в клуб, а я остался сидеть с Алленом до приезда скорой. Аллен был не самой приятной компанией.

Жених позвонил узнать, почему Аллен так задерживается. Трубку поднял я, и, когда Иззи узнал, что произошло, я подумал, что мне и для него придётся вызывать скорую.

– Спокойно, – сказал я ему. – Без паники. Я буду вашим шафером.

Я не сказал Иззи, что случилось с парочкой со свадебного торта, потому что люди, собираясь жениться, становятся ужасно суеверны и во всём ищут приметы: рассчитывая на долгие годы счастья, никто не захочет, чтобы на его свадебном торте красовались изувеченные жених с невестой. Я сто раз такое видел в кино: крупный план крошечных жениха и невесты, плавающих в луже растаявшей глазури, как предвестие несчастий, которые выпадут на долю реальных молодожёнов. Поэтому, доложив Иззи Даймондстейну, что стряслось с Алленом, я и словом не обмолвился о том, что стряслось с верхушкой свадебного торта. Вряд ли мне удалось бы его убедить, что падение маленьких новобрачных в лужу – это такой парадокс.

Когда я пообещал Иззи, что сам буду его шафером, он вроде успокоился, и примерно в то же время мы узнали от водителя скорой помощи, что Аллен успеет вернуться в Сенчури-Виллидж как раз к свадьбе, хотя, скорее всего, не сможет идти по проходу с подружкой невесты, потому что для

этого надо уметь ходить.

Как только скорая увезла Аллена, я бросился к мистеру Кантору и стал просить, чтобы он, пожалуйста, пожалуйста, был любезен отыскать ещё одну орхидею для верхушки торта, хотя, честно говоря, лучше бы даже две, поскольку самым верхним ярусом теперь стал бывший средний, а он больше. Мистер Кантор нашёл два прекрасных цветка, и бабушка Зейди очень художественно пристроила их на новом верхнем ярусе.

Поскольку я пообещал быть шафером, передо мной остро встала проблема смокинга, точнее, его отсутствия. Смокинг Аллена мне не подходил по размеру – а хоть бы и подходил, я бы всё равно не стал его надевать. И вот тогда-то дедушка Нейт позвонил Белле Дубински.

В прошлой жизни Белла была художницей. Она рисовала картинки к каталогам с выкройками для тех, кто сам шьёт себе одежду. В реальном мире я ни разу не встречал человека, который бы сам шил себе одежду, но в Сенчури-Виллидж я знаю целых трёх таких людей. У Беллы полно красок для тканей, и всего за каких-то два часа мы с ней перекрасили футболку в смокинг с красным галстуком-бабочкой. Говорю «мы», потому что я помогал: Белла рисовала контуры, а я закрашивал серединку. Не так-то легко красить футболку: под кисточкой она морщинится, остаются пробелы, приходится по сто раз возвращаться на одно и то же место. К счастью, эта

краска быстро сохнет, и к четырём часам смокинг был готов.

Отремонтированный свадебный торт выглядел потрясающе. Если бы Аллен смолчал, никто бы не догадался, что эти орхидеи не были изначальной задумкой. Но Аллен не смолчал. Он сообщил об этом всем и каждому. А ещё он извинялся за то, что шафером буду я. Вообще-то я не считаю себя человеком, за которого нужно извиняться. Я очень много помогал и очень уважительно смотрелся в своей футбольке-смокинге, которая, между прочим, была самым настоящим произведением искусства.

Факт: быть шафером совсем не трудно. Идёшь себе по проходу с подружкой невесты. Которая в нашем случае ещё и дочь невесты. Соглашусь, что Аллен, сын жениха, в качестве шафера был бы более подходящей парой – в смысле по росту – для подружки невесты, несмотря на то что она замужем, а он разведён; но факт остаётся фактом: я был очень хорошим шафером. Я стоял рядом с женихом. Миссис Поттер стояла рядом с невестой. И все мы вчетвером стояли перед раввином, и все мы впятером (включая раввина) стояли под брачным пологом, который называется *хупа*. Я не зевал, не чихал, не чесался – по крайней мере, не чесал ничего заметного. И держал обручальное кольцо до тех пор, пока рабби мне не кивнул, и тогда я вручил это кольцо ему.

Я был отличным шафером, несмотря на то что, пока мы все стояли под хупой, я мучительно ломал голову, придумывая сюрпризы для тех, кто принесёт приглашения со следя-

ми кошачьих лап. Озарение пришло в тот самый момент, когда Иззи раздавил ногой бокал и все закричали «*мазл тов*» – это пожелание счастья. Иззи ещё даже не закончил целовать невесту, а я уже всё придумал. (Факт: поцелуй был очень долгий и старательный.)

Я знал, что будет нелегко. Мне предстояло расстаться с любимыми вещами. Но другого выхода не было.

Пока все (кроме Аллена) танцевали *хору*, я незаметно смылся из клуба и побежал обратно в дом бабушки и дедушки. Я снял футболку-смокинг, аккуратно свернул и положил в красную тележку. Нашёл пачку самоклеящихся листочков, свою каллиграфическую ручку и пузырёк чернил, убедился, что крышечка на пузырьке плотно завинчена, и всё это тоже положил в тележку. Когда я вернулся на свадьбу, танец уже кончился и все сидели с измождённым видом. Я понял: мой выход.

Я постучал ложечкой по бокалу – я видел, как это делают взрослые, – и сказал:

– Леди и джентльмены, обращаюсь к тем из вас, кому посчастливилось получить приглашение со специальными отметками. Прошу выйти ко мне. Настало время сюрпризов.

Я смотрел, как люди достают свои приглашения со следами кошачьих лапок и подходят к оркестру, где стоял и я со своей красной тележкой.

– Во-первых, – сказал я, – у нас имеется произведение искусства – футболка, раскрашенная собственноручно мис-

сис Беллой Дубински. Подлинник, авторская работа! Ещё у нас имеется ручка для каллиграфии, почти новая, и пузырёк чернил, почти полный. Это идеальный набор, чтобы научиться красиво писать! Ещё у нас есть пачка самоклеящихся листочков, почти целая, не считая пяти штукеч... – Я судорожно сглотнул слюну и добавил: – И у нас есть одна красная тележка.

Тилли Нахман, которая идеально считает в уме, сказала:

– Но это только четыре подарка, а приглашений с кошачьими лапами было пять.

– Ой, да, – сказал я, – а пятый подарок – самый лучший.

И все сразу зашумели:

– Какой? Какой? Какой?

Я сделал вдох – втягивал в себя воздух, пока мои лёгкие не превратились в пару дирижаблей, запертых в грудной клетке.

– Самый лучший подарок – это... самый лучший подарок – это шанс... шанс подарить кому-нибудь свой подарок.

Зал окутала тишина. Потом Тилли Нахман захлопала в ладоши. Остальные к ней присоединились, а у бабушки Зейди и дедушки Нейта на лицах было написано, что они мной гордятся.

Сначала каждый из обладателей приглашений с кошачьими лапами порывался отказать от подарка, но этого я не хотел. Если бы они не взяли свои подарки, у меня было бы чувство, что эти подарки никому не нужны. Тогда ми-

стер Кантор выбрал себе самоклеящиеся листочки. Он сказал, что это будут этикетки для его растений. И ещё сказал, что у него только что расцвела прекрасная орхидея и это будет пятый подарок. Потом Тилли пообещала давать уроки каллиграфии тому, кто возьмёт ручку и чернила, а Белла пообещала давать уроки росписи по ткани тому, кто возьмёт футболку-смокинг. То есть все мои подарки повлекли за собой другие подарки.

Итак, четыре моих подарка разобрали.

Осталась только красная тележка. Угадайте, кто оказался обладателем пятого приглашения с кошачьими лапами?

Аллен, этот Иззин сын.

Аллен сказал, что ему не нужна маленькая красная тележка. Сказал, что в реальном мире, где он работает бухгалтером, от маленькой красной тележки нет никакого проку.

Иззи, жених, встал из-за стола, чтобы произнести тост. Он поднял бокал с вином и сказал:

– Мы с Марджи хотим поблагодарить всех наших друзей в Сенчури-Виллидж. Трудно передать словами, до чего мы вам признательны за такой прекрасный первый день нашей новой жизни. Как вы знаете, мы с Марджи объединили наши средства и купили маленькую кооперативную квартирку на океане. Ну не то чтобы прямо на океане... Вообще-то, это просто многоэтажка. Нам будет не хватать нашего района и здешнего уклада, но мы не хотим, чтобы нам не хватало вас. Поэтому мы будем приезжать к вам в гости. И хотим,

чтобы вы приезжали к нам. Всех будем ждать с нетерпением! С вами остаются наши самые тёплые воспоминания. И ещё с вами остаётся вот эта маленькая красная тележка. Всякий раз, когда будете ею пользоваться, вспоминайте, пожалуйста, этот счастливый день.

Иzzi начал было садиться, но на полдороге снова встал и добавил: «Считайте её подарком всем вам от шафера». Он не сказал, какого именно шафера имеет в виду, но я уверен, что меня.

И вот теперь, в реальном мире, я сидел за столом и вычёркивал один за другим все пункты моего списка. У меня больше не было ни красной тележки, ни тех, первых самоклеящихся листочков, ни футболки дизайна Беллы Дубински, ни ручки и чернил, которые мне купила Тилли Нахман. Но у меня была новая пачка самоклеящихся листочков и новая ручка для каллиграфии – то и другое я купил на свои собственные деньги, когда вернулся в Эпифанию.

После поездок в «Мир Диснея» или «Подводный мир» мне не приходилось писать бутербродных писем. Однако Сенчури-Виллидж – это не «Мир Диснея» и не «Подводный мир». Сенчури-Виллидж вообще уникальное место в западной цивилизации. И в целом мире тоже.

Я взял мою ручку и заправил её правильно, проделав все шесть шагов, которым научила меня Тилли. Она тогда сказала: «Думай, что эти шесть шагов – не подготовка к началу

работы, а само начало работы». И, заправляя ручку, я понял, что уже *начал* писать бутербродное письмо. Я набрал чернил до упора, потом, держа ручку над пузырьком, выпустил три капли обратно.

И я подумал: писать бутербродное письмо – это как возвращать несколько капель чернил обратно в пузырёк. Я отложил блокнотик и взял большие, настоящие листы для каллиграфического письма. И начал писать:

*Дорогие бабушка Зейди и дедушка Нейт,
спасибо вам за чудесные каникулы вдали от
реального мира...*

2

В игре пошла жара, и миссис Олински тоже стало жарко. Она сидела на своём месте в проходе и ждала.

Слева от неё сидел доктор Рой Клейтон Ромер, районный инспектор школ. И доктор Ромер, и миссис Олински не сводили глаз с уполномоченного. Человек на подиуме – это главная фигура, герой дня, калиф на час.

Он был облачён в тёмно-синий, идеально сидящий, в тонкую полосочку костюм и белоснежную рубашку. Из рукавов пиджака выглядывали французские манжеты. Миссис Олински не знала, до какой степени французским манжетам положено выглядывать из рукавов по этикету, но не сомневалась, что манжеты уполномоченного выглядывали ровно на столько, на сколько положено, с точностью до миллиметра – хоть штангенциркулем замеряй. Французские манжеты были скреплены ониксовыми запонками; галстук в красную полоску завязан идеальным узлом. Софиты озаряли пышные, безупречно уложенные волосы, подкрашенные в оттенок персиковой косточки. И костюм, и причёска ясно говорили: человек хочет, чтобы на него не просто смотрели, – он хочет, чтобы его пожирала глазами.

Доктор Ромер делал именно это. Он пялился на человека на подиуме не отводя глаз, он не мог бы их отвести, даже если б хотел. Миссис Олински вспомнила «Алису в Стране чу-

дес». «Не смотри на меня так!» – сказал Король Чеширскому Коту, а Алиса на это заметила: «Котам на королей смотреть не возбраняется». И миссис Олински захотелось сказать доктору Ромеру, что котам на королей смотреть не возбраняется. Но публике запрещено было открывать рот.

* * *

После того как Души выиграли чемпионат Эпифанской средней школы, доктор Рой Клейтон Ромер нанёс визит миссис Олински и спросил – угадайте что? – почему она выбрала в команду именно этих детей. Она всё ещё не знала почему (и не узнала, пока всё не кончилось), но к этому моменту, благодаря блестящей победе Душ (хотя о том, что они Души, она тоже пока не знала), она уже не так робела.

Доктор Ромер объявил, что у него только что завершился трёхдневный семинар по мультикультурализму для педагогов и работников сферы образования. Миссис Олински всегда развлекало, когда учителя именовали себя «педагогами» и «работниками сферы образования». Поэтому, когда он спросил, по какому принципу она набирала команду, миссис Олински наморщила лоб и ответила со всей серьёзностью:

– По принципу мультикультурализма. Один шатен, один блондин, один рыжик и один жгучий брюнет.

Доктора Ромера это совсем не развлекло. Он прочёл мис-

сис Олински краткую лекцию о смысле понятия «мультикультурализм».

– А-а, – сказала она, – тогда у нас в любом случае всё хорошо, доктор Ромер. Можете сообщить налогоплательщикам, что в команду Эпифанской средней школы входят один еврей, одна наполовину еврейка, один белый англо-саксонский протестант и один индеец.

– Евреи, полуевреи и белые протестанты не имеют никакого отношения к мультикультурализму, миссис Олински. А вот индеец имеет. Но мы, видите ли, больше не называем их индейцами. Мы зовём их коренными американцами.

– Его мы так не зовём, – ответила она и хотела добавить: «Потому что он не индеец, а индеец», но не успела, потому что доктор Ромер возмущённо сказал:

– Миссис Олински, вот вам бы понравилось, если бы вас называли калекой?

И миссис Олински сдалась. Все считали, что слово «калека» должно её ранить. Она не сумела бы – и не стала бы пытаться – объяснить доктору Ромеру, что ранит не слово само по себе, а то, *как* оно сказано. Потому что, несмотря на все семинары, доктор Ромер ни за что бы не поверил, что калеки – мультикультурная группа и некоторые из них даже умеют шутить.

Рыжиком в мультикультурной группе миссис Олински была Надя.

Родись она на пятьсот лет раньше, Рафаэль писал бы с неё своих херувимов. Лицо её обрамляли ярко-рыжие завитки, нос покрывала россыпь веснушек, а сама Надя была округлой, как идеальной спелости персик. Веснушки Рафаэль, наверное, замазал бы, и это было бы с его стороны большой ошибкой. Всё равно что смахнуть корицу с тоста с корицей.

Первые несколько недель учебного года Надя почти не открывала рта. Все шестиклассники были в Эпифанской средней школе новенькими – как и сама миссис Олински, – но Надя казалась совсем уж одиночкой – как и сама миссис Олински. Обе выжидали и наблюдали, не спешили проявлять дружелюбие, не спешили проявлять себя.

А потом, в середине октября, в понедельник, Надя Даймондстейн вошла в класс и с улыбкой спросила: «Миссис Олински, вам не кажется, что осень – самое расчудесное время года?» И миссис Олински сказала, что да, осень – её любимая пора, и призналась Наде, что иногда чувствует себя виноватой: может быть, нужно сильнее любить весну с её обещаниями, что лилии вновь расцветут?

С тех пор каждое утро Надя, входя в класс, улыбалась и приветствовала миссис Олински словом из своего южного прошлого. Слово было: «Хей!»

Миссис Олински понимала, что Надя Даймондстейн не просто ослепительно красива – она ещё и настоящая звезда.

* * *

Уполномоченный по образованию вытащил следующий вопрос. Глядя поверх очков, он медленно развернул листок.

– Вопрос состоит из двух частей, – сказал он. – Чтобы заработать очко, нужно ответить на обе части. – Он опустил взгляд и прочёл: – «Как называется самая богатая водорослями часть Атлантического океана и каково её значение для экологии нашей планеты?»»

Надя Даймондстейн нажала на кнопку.

* * *

Надя рассказывает о любви и черепахах

Мой дедушка – худой и стройный, среднего роста, с густыми бровями, серебристыми, как вереск. Он живёт во Флориде, в кооперативной высотке на берегу океана. Живёт он там со своей новой женой, которую называет Марджи. Мне было сказано звать её Маргарет, не тётя Маргарет и не миссис Даймондстейн. Мне кажется, это неуважительно – называть просто по имени женщину, которая по возрасту годится мне в бабушки, но я делаю как мне сказали.

Прошлым летом, как раз перед женитьбой бабушки на Маргарет, родители мои развелись, и мы с мамой переехали в штат Нью-Йорк, где прошло её детство. Мама сказала, что ей в жизни остро не хватает осени. А я и не думала, что увижу осень – в Нью-Йорке или ещё где, – потому что, даже когда мы проводили каникулы в каком-нибудь месте, где осень в принципе бывает, в конце лета всё равно приходилось отсюда уезжать, чтобы успеть к началу учебного года. Во Флориде он начинается ещё до Дня труда. И, что бы там ни говорил календарь, во Флориде круглый год лето.¹

В ходе развода была достигнута договорённость, что я буду проводить с папой День благодарения, весенние каникулы и один месяц летом. Рождество он оставил маме, потому что это её праздник, не его. Я – плод смешанного, межрелигиозного брака.²

В это лето – первое лето после развода – своё право на общение с ребёнком папа решил реализовать в августе. Он встретил нас в пятницу рано вечером. Нас – это Джинджер и меня. Джинджер – моя собака. Не знаю, кто больше обрадовался, увидев меня в аэропорту, – папа или Джинджер. Потому что перед вылетом мне пришлось сдать её в багажное отделение, и вот это было самое плохое.

Папа всегда был нервным, но после развода он стал окон-

¹ День труда в США отмечают в первый понедельник сентября. (Здесь и далее – примечания переводчика.)

² А День благодарения – в четвёртый четверг ноября.

чательно и безнадежно нервным. Ему трудно было учиться жить одному. Он продал дом, в котором мы жили все вместе, когда были одной семьей, и переехал в жилой комплекс «для жизнерадостных одиночек в активном поиске», но только папа мой жизнерадостен примерно как старые ворота на ржавых петлях и ровно настолько же способен к активному поиску.

В первые полтора дня после моего приезда папа нависал надо мной, как телевизионный дирижабль «Гудьир» над стадионом «Апельсиновая чаша» (это тут, во Флориде, в Майами). Это нависание не нравилось ни ему, ни мне, но он не знал, что еще со мной делать, а я не знала, что ему сказать, кроме как попросить не нависать, – но это, похоже, было единственное, что ему хорошо удавалось.

В воскресенье мы поехали к дедушке Иззи и Маргарет.

Дедушка Иззи очень мне обрадовался. Глаза у него под этими кустистыми бровями ярко-синие, как внезапно мелькнувшая изнанка птичьего крыла. Глаза – это в нем всегда было самое живое, но, когда бабуля Фрида умерла, дедушкины глаза, казалось, умерли вместе с ней. Однако с тех пор, как он женился на Маргарет, они опять стали ярче и словно излучают собственный свет. Дедушке шестьдесят девять лет, и он влюблен.

Маргарет – низенькая и блондинистая. Она абсолютно не похожа на мою бабулю, зато как две капли воды похожа на тысячи других женщин, поселившихся в южной Флориде.

В штате Флорида огромное количество блондинистых вдов, и все совершенно одинаковые, хоть новую породу регистрируй. Как и все они, Маргарет одевается чудовищно: брючные костюмчики пастельных цветов с поясом на резинке или белые штаны и блузы навывпуск – яркие, вырвиглаз, с крупным рисунком. Очки свои – бифокальные, в голубой оправе – она носит на золотой цепочке на шее. Они все так делают. Маргарет не толстуха, хотя уж точно не худышка. В талии она совсем круглая и в зелёном брючном костюме из полиэстера напоминает яблоко сорта «Грэнни Смит»³. Хотя дедушка Иззи сказал бы, что это сорт «Делишес».⁴

Дедушка Иззи и Маргарет похожи на парочку из детского стишка: худющий муженёк, который не ест ничего жирного, и толстушка-жёнущка, которая не ест ничего постного. Дедушка Иззи говорит, что Маргарет – *зафтиг*, что на идише означает «приятно пухленькая», этакая пышечка. Ему всё в ней нравится. Он просто удержаться не может, чтобы не ущипнуть её – или себя, словно не веря, что ему выпало счастье на ней жениться. Такие откровенные проявления влюблённости вообще-то могут и смущать девочку предпубертатного возраста, не привыкшую находиться в обществе супругов, которые друг другу нравятся.

В воскресенье мы поехали на бранч в одно из тех гигантских заведений, где меню маленькое, а порции огромные,

³ *Granny Smith* – «Бабуля Смит».

⁴ *Delicious* – «Вкусно».

и каждый посетитель почтенного возраста уходит с пенопластовой коробочкой, в которой забирает домой всё, что не смог доесть. Нам пришлось ждать, пока нас усадят, потому что для флоридских пенсионеров воскресный бранч – очень важная традиция. Папа дважды спросил девушку-администратора, сколько ещё нам ждать. Дедушка Иззи и Маргарет пытались объяснить папе, что они совсем не против подождать, поскольку часть плана состояла в том, чтобы провести время вместе, а это можно делать и в ресторане. Но папа, видимо, так здорово научился нависать на малых высотах, что уже не мог делать ничего другого.

Когда нас наконец усадили, всё получилось очень неплохо. Маргарет заказала бельгийские вафли, и ей не понадобилась пенопластовая коробочка для остатков, потому что остатков не было: она съела всё, что лежало на тарелке, включая клубничное варенье, искусственные взбитые сливки и всё-всё-всё. И кофе без кофеина она заказывать не стала – выдула три кружки обычного.

Ко мне Маргарет не проявила никакого интереса. Я думала, она начнёт расспрашивать, как мне нравится наш новый дом в Эпифании, потому что именно в этом городе она жила, пока не переехала во Флориду. Может, она думала, что и я не интересуюсь ею, потому что я не стала расспрашивать об их свадьбе, на которой ни мамы, ни меня не было. Но я считаю, что взрослые должны первыми задавать вопросы, и к тому же мы с мамой получили полный и подробный от-

чет от Ноа Гершом, который в силу непредвиденных обстоятельств оказался на этой свадьбе шафером. Рассказ Ноа об этих непредвиденных обстоятельствах показался мне не таким забавным, как ему самому, но по ряду причин я решила об этом умолчать.

Одна из этих причин состояла в том, что моя мама работает у доктора Гершом, а он – папа Ноа. Моя мама по профессии зубной гигиенист, а доктор Гершом – дантист. Мы, в частности, потому и переехали, что мама нашла в Эпифании работу. Конечно, она отличный гигиенист, и доктору Гершому очень повезло, но тем не менее я решила не говорить Ноа, что его рассказ о свадьбе моего дедушки не так уж сильно меня развеселил.

Папин жизнерадостный жилой комплекс находится очень далеко от района, где мы жили раньше. Я позвонила двум бывшим друзьям, но договориться о встрече оказалось не так-то просто. Когда-то наш распорядок дня совпадал, а теперь – как будто мы в разных часовых поясах. Оказывается, география имеет значение.

Когда мы наконец встретились, я думала, нам будет весело. Но нет. То ли я изменилась, то ли они, то ли и то и другое. Я решила не повторять этот опыт. Наверное, многие дружбы зарождаются и поддерживаются по чисто географическому принципу. Я предпочитаю общество Джинджер.

Похоже, работа – единственное, что не даёт папе рас-

сыпаться на куски; но, оставляя меня дома одну, он явно чувствовал себя виноватым и потому нервничал ещё сильнее, если это, конечно, вообще возможно. Половину времени я проводила в бассейне его жизнерадостного комплекса – днём там почти никто не плавал. Ещё я читала, смотрела ток-шоу и гуляла с Джинджер вокруг поля для гольфа, которое примыкает к комплексу. Мне было хорошо и спокойно, потому что папа надо мной не нависал, но ему, конечно, я об этом не говорила.

Дедушка Иззи звонил каждый день. Он предлагал приезжать в жизнерадостный комплекс и забирать меня к ним – но не сразу после того, как папа уезжает на работу, а после утреннего часа пик, чтобы не было пробок. Все пенсионеры в южной Флориде ждут окончания утреннего часа пик; поэтому, выезжая наконец на шоссе, они создают новый час пик с новыми пробками. Но я отказалась. Тогда в четверг, после моей неудачной встречи с бывшими друзьями, дедушка позвонил с новым предложением. Он попросил папу завести меня к ним с утра пораньше, а уж потом ехать на работу. Потому что приехал Итан, внук Маргарет, мой ровесник, и дедушка решил, что, если я тоже к ним приеду, это будет хорошо для нас обоих. Я подумала, что под «нами обоими» он имеет в виду меня и Итана, но, может быть, он имел в виду меня и папу, потому что, когда папа повесил трубку, на лице его было написано огромное облегчение.

У меня было только одно условие: чтобы мне разрешили

взять с собой Джинджер. Во многих пенсионерских многоэтажках правила запрещают не только держать собак в квартирах, но и приводить в гости; к тому же я не знала, как Маргарет относится к собакам. Но дедушка Иззи сказал, что Джинджер никому не помешает. Ещё бы. Она никогда в жизни никому не мешала. Джинджер – гениальная собака.

Не знаю, то ли во мне просыпается интерес к мальчишкам, то ли я бы в любом случае помыла голову и надела новую блузку. Возможно, я перехожу из предпубертатного возраста в пубертатный, а может, мне просто стало любопытно, что там за Итан такой. Например, почему в воскресенье в ресторане Маргарет не сказала, что он приезжает? Она, правда, упомянула, что у неё есть внук моих лет, но больше почти ничего о нём не говорила. Большинство бабушек, принадлежащих к тому же виду, что и она, таскают с собой фотоальбом размером с кофейный столик в дамских сумочках размером с чемодан. То ли Маргарет – всё-таки редкий подвид бабушек, то ли этот Итан забабахал себе странную причёску. Когда бабушки недовольны внуками, дело, как правило, в причёске. Или в музыке. Или в том и другом. Она наверняка узнала о его приезде как минимум две недели назад, ведь обычно авиабилеты покупают заранее, чтобы получить скидку.

Дедушкина пенсионерская многоэтажка – в трёх городах к северу от папиного жизнерадостного жилого комплекса.

На шоссе между ними очень плотное движение, «тянучка». Папа плохо рассчитал время, и мы приехали, когда они уже отправились на утреннюю прогулку. Папа отдал мне ключ, и я сама вошла в квартиру. На холодильнике была записка – что они пошли к черепахам и чтобы я располагалась и чувствовала себя как дома. Записка была написана почерком Маргарет. Очень чётким: *a* и *o* не перепутаешь. Это был гладкий, ровный, округлый почерк, каким писали учителя старого поколения – а Маргарет, до того как выйти на пенсию, была сперва именно что учительницей, а потом директором начальной школы.

Мы с Джинджер сидели на балконе и смотрели, как они втроём подходят к дому. Итан был ростом почти с Маргарет и почти таким же блондинистым, но не по той же причине. С балкона – с третьего этажа – он казался вполне нормальным здоровым мальчиком предпубертатного возраста. Правда, о здоровье нервной системы не всегда можно судить по внешнему виду человека – конечно, если этот человек не мой папа.

Когда они вошли, я увидела, что все трое в большом волнении.

Хотя Итан – внук Маргарет, познакомил нас с ним дедушка, потому что Маргарет сразу направилась к письменному столу и, порывшись в ящике, достала большую тетрадь – что-то вроде полевого журнала.

– Итану повезло, – сказал дедушка. – Он тут всего второй

день – а вечером мы уже будем выкапывать одно из наших гнёзд.

Он имел в виду черепаший гнёзда. Именно черепахи сблизили их с Маргарет.

Когда бабуля Фрида умерла, дедушка Иззи продал их маленький домик и переехал в Сенчури-Виллидж. И в следующие два года он каждое утро, очень рано, пока ещё было не жарко, ехал на машине на пляж и совершал моцион. В Сенчури-Виллидж очень многие совершают моцион по пляжу: там есть специальная дорожка, на которой отмечены каждые полмили пути. Чуть больше года назад, весной, он заметил блондинку приятной пухлости – *зафтиг*, – которая заканчивала прогулку ровно в то же время, когда он начал; так что он стал приезжать всё раньше и раньше, пока наконец в один прекрасный день они не вышли из своих машин одновременно. Он представился и спросил, не хочет ли она прогуляться вместе. А она в ответ пригласила его на черепаший обход.

Он принял приглашение, даже не зная, что это такое и куда идти.

И с тех пор они так и ходят на черепаший обходы вместе.

Маргарет сверилась со своим полевым журналом.

– Мы перенесли сто семь яиц, – сказала она.

– И теперь мы за них в ответе, – сказал дедушка Ита-

ну, а тот кивнул с понимающим видом, и это привело меня к мысли, что они уже объяснили ему всё про черепаха.

Морским черепахам нужны песчаные пляжи, а во Флориде пляжи тянутся на много миль. Вдоль всего побережья черепахи-самки выходят из океана, ползут по песку, роют ямки и откладывают яйца – штук по сто за один раз. Они сначала лапами выкапывают ямку, потом лапами же засыпают кладку песком и после этого возвращаются в океан. Самка делает от трёх до пяти кладок за сезон, потом возвращается в воду и не выходит на берег ещё два-три года, пока не будет готова снова откладывать яйца.

Черепашата вылупляются примерно через пятьдесят пять дней после кладки.

С первого мая, когда появляются первые кладки, и до ночи Хэллоуина, когда вылупляются последние черепашата, по берегу определёнными маршрутами ходят черепашьи патрули. Патрульных учат распознавать на песке отметины от лап черепашьих мам.

Примерно в половине случаев мама-черепаха откладывает яйца в опасных местах – на линии высокого прилива, где их может смыть волной, или там, где их могут растоптать люди или раздавить машины. Черепашьи яйца – излюбленное лакомство птиц, крупных рыб и особенно енотов. Людям, получившим лицензию Министерства охраны окружающей среды, разрешено переносить гнёзда в более безопас-

ное место. Над всеми найденными гнёздами – и над теми, которые перемещают, и над теми, которые оставляют на месте, – они втыкают колышек с табличкой, гласящей, что разорять гнёзда запрещено законом. За нарушение – штраф до 50 000 долларов и/или тюремное заключение сроком до года. Таблички ярко-жёлтые, и на них очень хорошо видно, что это именно «и/или», а не просто «или».

Логгерхед – вид под угрозой исчезновения. Это ещё не так плохо, как исчезающий вид, но близко к тому. В прошлом году я с подсказки дедушки Иззи выбрала себе тему для научного доклада: «Морские черепахи Флориды». Мы с ним вместе их изучали. Сопровождали Маргарет на её черепаших обходах. (Тогда я ещё называла её «миссис Дрейпер». Мне и в голову не могло прийти, что всего через несколько месяцев мы с ней почти что породнимся.) Я получила высший балл, а дедушка стал лицензированным волонтером. Маргарет им уже была на тот момент, когда они познакомились.

Я сохранила тот свой доклад. Он начинался так: «Что, по-вашему, труднее: назвать по именам всех семерых гномов из “Белоснежки” мистера Уолта Диснея – или перечислить все пять видов морских черепах Флориды?» Дедушка сказал, что это просто отличное начало доклада. На обложке я нарисовала представителей всех пяти видов: логгерхед; зелёная черепаха; кожистая черепаха; бисса; атлантическая ридлея. Обложку моя учительница отметила особо, назвав её «совершенно замечательной». Я подумала, что в шестом

классе, когда нужно будет делать проект об истории Флориды, я нарисую другую обложку – с картой флоридских пляжей – и использую доклад ещё раз. Тогда я ещё не знала, что, когда перейду в шестой класс, я буду жить в разведённой семье и в штате Нью-Йорк.

Дедушка Иззи сказал:

– Надя, может, останешься? Тебе же всегда нравилось смотреть, как выкапывают кладку. Итан тоже идёт. – Он глянул на Итана вопросительно, предлагая ему подтвердить приглашение. Итан слегка кивнул. – Будет как в старые добрые времена, – добавил дедушка.

Как дедушке Иззи вообще могло прийти в голову, что хоть что-то будет как в старые добрые времена? В старые добрые времена, которые были, прямо скажем, не так уж давно, я бы с удовольствием – даже с огромной радостью – выкапывала черепашие гнезда. В старые добрые времена Маргарет была ещё миссис Дрейпер, и я понятия не имела, что у неё есть внук Итан, а если бы имела, то мне было бы наплевать.

– Когда? – спросила я.

– После заката, как обычно, – ответил дедушка удивлённо, потому что он прекрасно знал, что я прекрасно знаю.

– Очень жаль, – сказала я. – Но папа заедет за мной до ужина, и он очень огорчится, если я не буду ужинать с ним.

Дедушка сказал, что он сейчас позвонит папе на работу и попросит его пойти с нами, чтобы он тоже мог посмотреть.

И не успела я сказать правду – что я просто не хочу, – как он уже позвонил папе и они обо всём договорились. Я разозлилась, но про себя.

После обеда мы вчетвером пошли в бассейн. Джинджер мне пришлось оставить в квартире, потому что в бассейн с собаками нельзя. Купальник я к бабушке не захватила, так что мне пришлось сидеть на лавочке, пока они все плавали. Маргарет сказала, ей ужасно жаль, что у неё нет купальника, который она могла бы мне одолжить.

– Мои тебе, боюсь, не подойдут. – Думаю, она пыталась пошутить, потому что сказала она это с улыбкой.

Не знаю, кому вообще могли бы подойти купальники Маргарет, кроме неё самой. Фигура у неё из тех, какие в каталогах называют «зрелыми», но она, похоже, совершенно этого не замечает, как и россыпи крошечных голубых веночек на бёдрах внутри и снаружи. Бабуля Фрида не была *зафтиг*, но ей хватало хорошего вкуса носить стильный «купальник-платье» – цельный и с юбочкой. Разумеется, бабулин купальник никогда не бывал в воде, а Маргарет в своём проплыла по дорожке туда-сюда сорок два раза.

Итан учился нырять, а бабушка его тренировала. Потом они подошли и сели рядом со мной. Мне хотелось узнать, был ли приезд Итана запланирован заранее, задолго до того, как мне о нём сообщили. И я спросила, была ли у него пересадка в Атланте. Он ответил, что да. Тогда я сказала:

– На моём рейсе из Атланты было семь несопровождаемых несовершеннолетних.

Он улыбнулся.

– На моём – только пять. Наверно, я летел немножко позже, чем большинство.

– А билет тебе заранее покупали? – спросила я.

– Да, – ответил он. – А что?

– Просто любопытно, – сказала я. Я не стала объяснять, что именно мне любопытно. И добавила: – Когда летишь с домашним животным, нужно всё планировать заблаговременно. Я очень волновалась за Джинджер, это было самое плохое в моём полёте. Ей пришлось лететь в багажном отделении. Нам посоветовали дать ей транквилизатор и поместить в переноску. Джинджер никогда раньше не давали успокоительное, и она потом целую неделю ходила сонная. Только сейчас стала похожа на себя нормальную. Я ей пообещала, что больше не буду так делать.

– А как же ты повезёшь её обратно?

– Я с ней поговорю. Попрошу вести себя тихо, чтобы не пришлось давать ей транквилизатор.

– Может, ты просто дала слишком большую дозу?

– Может. Но я не хочу экспериментировать. Она прекрасно перенесёт полёт. Джинджер – гениальная собака.

– Я читал про интеллект животных. Самая умная порода собак – бордер-колли.

– Джинджер не вошла бы в список пород. Она – помесь.

Как я.

– А ты какая помесь?

– Еврейско-протестантская, – сказала я.

– Это хорошо, – сказал он. – Это как с сортами кукурузы. Гибридные сорта лучше всех. Есть такое понятие – гибридная сила.

Я решила, что это комплимент, но благодарить не стала.

– А ты тоже гибрид? – спросила я.

– Вот уж нет. Если в моей семье и есть намёк на гибридизацию, то вот он, прямо перед тобой, – сказал он, показывая на Маргарет. – Бабушка Дрейпер – чистопородная протестантка, а Иззи – чистопородный еврей. Но размножаться они не собираются.

Думаю, что я покраснела.

Маргарет руководила группой из пятнадцати лицензированных волонтеров. Это означало, что, если она не могла выйти на патрулирование, любой из них мог её заменить. Но перемещать или выкапывать гнездо после того, как черепащата вылупятся, волонтерам разрешается только под присмотром Маргарет. В тот вечер в выкапывании приняли участие все пятнадцать её подопечных плюс друзья и другие заинтересованные лица. Как только гуляющие по пляжу заметили наше нависание над гнездом, они тоже стали подходить и нависать, с большим воодушевлением. Все охали и ахали, и как минимум раз в три минуты кто-то в той или иной

форме выражал восхищение чудесами живой природы. Четыре человека сказали: «Потрясающе». Итан не охал, не ахал и не говорил «потрясающе». Он спокойно и терпеливо наблюдал, словно оператор «Нэшнл джиогрэфик». Мой папа нависал вместе с остальными и дважды сказал «потрясающе». Нависание стало его любимым времяпрепровождением.

Черепаший патруль пристально наблюдает за всеми гнёздами на своих маршрутах и знает, когда черепашатам пора вылупляться, а иногда ему даже везёт именно в этот момент оказаться возле гнезда. Когда только что вылупившиеся черепашки прокладывают себе путь по песку к воде, они похожи на компанию заводных игрушек, сбежавших из магазина. Наблюдать за вылуплением черепашат интереснее, чем выкапывать гнездо после того, как они уже вылупились и остаётся только произвести учёт и убедиться, что на месте кладки не осталось никого живого – и ничего, что когда-то было живым. В старые добрые времена я тоже охала и ахала при выкапывании, но в тот вечер это было примерно так же увлекательно, как ждать, пока красный свет светофора сменится зелёным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.